

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ирина ВДОВИНА

Доктор философских наук, главный научный сотрудник.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: isvdovina@mail.ru

ПОЛЬ РИКЁР О СОВМЕСТНОМ БЫТИИ ЛЮДЕЙ (ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ “PAUL RICOEUR. POLITIQUE, ÉCONOMIE ET SOCIÉTÉ. ÉCRITS ET CONFÉRENCES 4” (PARIS, 2019))

Проблема совместного бытия людей является одной из центральных тем исследований выдающегося философа современности Поля Рикёра (1913–2005). В ходе своего анализа он идёт от изучения означенной темы под углом зрения политики, власти, права, культуры, морали до рассмотрения таких вопросов, как взаимное признание людей, хрупкость человеческого существования и земной цивилизации в целом, терпимость, забота, справедливость, ответственность за будущее человечества, за саму идею человека. В ряде работ Рикёр на примере Европы высказывает свои соображения о возможном будущем земной цивилизации – о её новом этосе, преодолевающем структуры национальных государств, о сочетании на глобальном уровне их «идентичности» и «инаковости». В качестве моделей интеграции философ выдвигает перевод с одного языка на другой как своего рода *a priori* общения; обмен памятью как предварительное перемещение в иную культурную среду; прощение, исходящее из страданий других и поднимающее вопрос о тяжести долга.

Первоначально высказанные на философских конгрессах, симпозиумах, страницах журнальных статей, выделенные проблемы были фундаментально изучены мыслителем в трудах «История и истина» (1955), «Я-сам как другой» (1990), «Этика и ответственность» (1994), «Справедливое» (кн. 1, 2–1995, 2001), «Идеология и утопия» (1997), «Память, история, забвение» (2000), «Путь признания» (2004). Книга “Paul Ricoeur. Politique, économie et société. *Écrits et conférences 4*” (Paris, 2019) («Полю Рикёру. Политика, экономика и общество. *Рукописи и выступления 4*» (Париж, 2019)) адресована философам, культурологам, политологам, представителям других отраслей гуманитарного знания, а также читателям, интересующимся актуальными проблемами философии.

Ключевые слова: совместное бытие людей, политическое, мораль, этика, признание, терпимость, хрупкость, справедливость, память, прощение, дар

В год смерти выдающегося философа современности Поля Рикёра (1913–2005) его коллегами и единомышленниками была создана общественная организация, носящая имя философа, – «Фонд Рикёра», под руководством Издательского комитета которого в 2008 г. началось издание его рукописей, текстов выступлений, черновики, архивных материалов. В 2008–2013 гг. вышло три книги «Рукописей и выступлений»: «Вокруг психоанализа» (2008), «Герменевтика» (2010), «Философская антропология» (2013) (см.: [2, с. 79–93]).

В 2019 г. опубликована четвертая книга – «Политика, экономика, общество». Представляя её, составитель Пьер-Оливье Монтей отмечает, что творчество Поля Рикёра редко изучается под углом зрения политической философии, и тут же добавляет, что вопрос о власти и «жизни-вместе» в обществе является постоянным предметом исследований философа. Здесь сразу же хотелось бы внести уточнения. Прежде всего это касается понятий «политика» и «политическое».

В современной политологической и политико-философской литературе выделяются следующие методологические подходы к определению существа политики: институциональная точка зрения, где политика представляет

собой деятельность государственных институтов; рассмотрение политики как борьбы за власть; понимание политики как согласования интересов в ходе производства и воспроизводства общества и др. Все они представляют собой научное определение политики [5, с. 274–275].

В то же время в политической мысли XX в. наряду с понятием «политика» обсуждается и разрабатывается понятие «политическое», являющееся предметом особой политико-философской рефлексии: в современных условиях универсальное и всеобщее основание социального и политического бытия человек ищет не вовне, а в самом себе и усматривает его в Разуме [6, с. 5]. П. Рикёр в целом разделяет такую позицию и разрабатывает её, однако основанием социального и политического бытия у него выступает не разум, а «жизнь во всей её полноте», включая конкретные отношения между людьми, в том числе и разумные [1]. Именно в таком ракурсе, думается, наиболее справедливо рассматривать представленный в книге материал.

Исследователи творчества П. Рикёра часто сходятся на том, что вопросы политики и политического являются постоянным предметом его исследований, и тем не менее у французского мыслителя нет такой работы, где отмеченные проблемы были бы систематически изложены и это отражалось бы в её названии. Собственно, так же обстоит дело и с проблематикой философской антропологии. Как справедливо отмечают Ж. Мишель и Ж. Поре, составители третьего выпуска серии работ П. Рикёра «Философская антропология» под общим названием «Рукописи и выступления», антропология не является центральным понятием в лексике их великого соотечественника, не входит ни в одно название его основных работ, тем не менее вся его философия может рассматриваться именно в этой перспективе [11, с. 7].

Такое положение дел, можно утверждать, сложилось потому, что политическое и антропологическое в творчестве Рикёра неразрывно связаны и вместе составляют основу философии мыслителя, главная тема которой – изучение человеческого этоса, понимаемого им, вслед за Аристотелем, как желание людей жить вместе с другими и для других в условиях справедливых институций, что образует горизонтальную структуру общества.

Проблемы политики и политического обсуждались в трудах французского мыслителя, начиная с первых статей в журналах “Esprit”, “Etre”, “Terre nouvelle”, “Christianisme social” (1950–1960-е годы), многие из которых включены в книгу «История и истина» (1955; русск. перевод 2002). Наиболее активно эти проблемы исследуются в трудах, изданных в 1990-е – начале 2000-х гг.: «Книга для чтения 1. Вокруг политического» (1991) (наконец-то, заметим, слово «политическое» включено в название крупного произведения П. Рикёра), «Этика и ответственность» (1994), «Идеология и утопия» (1997), «Память, история, забвение» (2000; русск. перевод 2004), «Справедливое I, II» (1995, 2001; русск. перевод 2005), «Путь признания» (2004; русск. перевод 2010). Тем не менее П.-О. Монтей, составитель четвёртой книги «Рукописей и выступлений» Поля Рикёра, анализируя проблему политического в трактовке философа, считает наиболее

значительной в этом плане книгу «Я-сам как Другой» (1990; русск. перевод 2008), а в ней Седьмое, Восьмое, Девятое Исследования: «“Я” и этическая цель», «“Я” и моральная норма», «“Я” и практическая мудрость». Выделяя эти «Исследования» и сопрягая их с проблематикой политического, Монтей тем самым подтверждает, что рикёровское политическое как основание социального неразрывно связано с человеком, с его «Я».

Политическое имеет историю более длительную, чем политика; оно – готовность людей к совместному бытию и содействию взаимной гуманизации. По утверждению Ж. Мишеля и Ж. Поре, разработка идей политического является сердцевинной антропологии их соотечественника, представляет всю его философию – «от начала и до конца». В свою очередь, политическое сопрягается с этикой. В этом плане значительную часть материалов книги «Поль Рикёр. Политика, экономика и общество. *Рукописи и выступления 4*» можно рассматривать как своего рода представление этапов становления и краткого содержания философии политического французского мыслителя.

Первый этап («Теолого-политическое введение») охватывают работы 1950–1960-х гг., написанные в контексте движения «Социальное христианство» во Франции, председателем которого П. Рикёр был в 1958–1970-х гг. Воспитанный в протестантских традициях, далёкий от апологетики христианства, он шаг за шагом будет отступать от формулировок, соотносящихся с библейским и теологическим аспектами, стремясь рассуждать в светских понятиях. Что касается политики, то, считает философ, «*неверно* (да и невозможно) *выводить* её из теологии» [14, р. 28]¹; следует отыскать верное место политики в жизни, поскольку она есть изначальное обучение рода человеческого порядку и справедливости. Это – первое правило. Правило второе: политическое вовлечение имеет значение не для Церкви, а для верующих. Стиль христианина в политике, считает французский мыслитель, – это участие в жизни общества без фанатизма веры, а также бдительность, предостерегающая как от бесплодного критицизма, так и от рассчитанных на тысячелетия утопий [14, р. 34–35].

Дальнейшее развитие политической философии Рикёра представлено в анализируемой книге в хронологическом порядке, который дополняется порядком тематическим: Р.-О. Монтей обращается, как он считает, к наиболее значимым текстам мыслителя и оставляет без внимания те, которые были написаны им, «следуя обстоятельствам». Одна из задач Рикёра в период 60–90-х гг., как отмечает составитель анализируемой книги, заключалась в критике марксизма в связи с идеей о государстве всеобщего благосостояния и в выступлении против гегелевской системы целостного объяснения мира, против догматического толкования истории.

В первом случае французский философ говорит о «прогрессирующей деградации» великой мечты основоположника социализма, последователи которого рискуют отказаться от идеи о фундаментальном значении труда

¹ Здесь и далее при ссылке на указанный источник: перевод мой, курсив оригинала. – И.В.

в человеческой деятельности ради апологии «усреднённого человека»; во втором заявляет о своём «неодолимом» сопротивлении гегелевскому абсолютному знанию и вместе с тем о столь же «неодолимом» влиянии на него некоторых идей немецкого философа.

Обсуждая марксизм, Рикёр специально останавливает внимание на проблеме отчуждения, которая, по его убеждению, анализируется в нём «без собственно этической оценки». Герой творчества Маркса, считает он, – не капиталист и не пролетарий, а капитал как отчуждённая часть человека, ставшая его «ситуацией». Такое положение «довольно двусмысленно и может тяготеть либо к усложнённому гуманизму, либо к тяжеловесному материализму механистического или детерминистского типа» [14, р. 43]. В итоге материализм Маркса, по мысли французского философа, «погрузился в самый грубый материализм», возвратился на позиции вульгарного, вещистского материализма, к теории «сознания – отражения». Политическая философия Ленина и большевистской партии вела марксизм к «окаменению», окончательным фактором которого явилась практика единственной партии.

Рикёр выдвигает своё видение «социализма сегодня», рассматривая три уровня его анализа: экономический (планирование), социально-политический (демократическое управление), культурный (социалистический гуманизм). По убеждению философа, именно в гуманизме коренится самое фундаментальное и самое прочное видение социализма.

Отношение Рикёра к философии Гегеля не так прямолинейно, что связано с его намерением размышлять о ней «более лично»: говорить «да» или «нет», проявлять согласие или сообщать о своих сомнениях. Как утверждает Рикёр, он изучал философию Гегеля, исходя из собственных задач. Прежде всего, французский мыслитель акцентирует внимание на проблеме признания и признательности человека в отношениях с другими, на взаимном признании людей – человеческой взаимности. Многостороннее изучение данных вопросов Рикёр начал в труде «Я-сам как другой» (1990), и они стали специальным предметом его последней книги «Путь признания», опубликованной в 2004 г.

В этом плане французский философ сопоставляет идеи Гегеля и Фрейда, подчёркивая их общую сердцевину и противоположную направленность. Общая сердцевина – это как раз проблема признания. В «Феноменологии духа» и в «Энциклопедии философских наук» Гегеля Рикёр выделяет идею «человека желания», где человеческое желание выступает как желание признать «другое человеческое», «желание другого» [14, р. 81].

Тема признания, согласно Рикёру, является центральной и в психоанализе Фрейда; она созвучна гегелевской проблеме господина и раба: «...каким образом, исходя из отношения неравенства, прийти к взаимности?» [14, р. 81]. Однако здесь для французского мыслителя весьма значимо то, что Фрейд и Гегель «смотрят в разных направлениях»: Фрейд предстаёт археологом, ищущим основополагающие узлы человеческих отношений в глубинных слоях, в инстинктах и влечениях; Гегель осуществляет обратное движение – в мир всё более усложняющегося культурного опыта,

к смыслу, благодаря которому человек удаляется от своих биологических корней [14, р. 81–83]. Именно это, отмечает Рикёр, направило его к Гегелю.

Второе, что привлекало внимание Рикёра, читающего Гегеля, это отношение свободы и институции, заставившее французского мыслителя, как он сам говорил, задуматься о нашей эпохе. Особое его беспокойство вызывало глубинное расхождение между бюрократизацией институций и тем, что свобода понимается исключительно как свобода протестовать («анти-институциональная» свобода). Гегель, подчёркивает Рикёр, подвёл его к такому вопросу: может ли человек, вступив в институцию, обрести свободу? Гегель же и подсказывал ему ответ на этот вопрос. В «Волевом и не-волевом», работе Рикёра 1950 г. [16], человек, как он утверждал, предстал одиноким, обладающим собственным телом и собственным миром. Гегель «научил» его тому, что всё начинается тогда, когда одна воля встречает другую волю, что воля должна «вступать в дело» и противостоять другим; именно здесь рождается институциональная структура, а право открывает путь реальной свободе; как раз здесь начинается производство человеческого смысла самим человеком.

Третьим доводом, приведшим французского философа на сторону Гегеля, является трактовка последнего отношения между религией и философией. Гегель, считает Рикёр, касаясь отмеченной проблемы, не затрагивал вопроса о личной позиции в вере, а попытался сквозь призму всех религий рассмотреть универсальный характер символизма («Феноменология духа», гл. «Религия»; заключительные страницы «Энциклопедии философских наук»). Как отмечает французский философ, вместе с Гегелем он постарался рассмотреть универсальную символику и понять собственное выражение «символ побуждает мыслить».

Гегель «принял участие» и в формулировании рикёровской философии интерпретации, в целом – герменевтической философии. Вместе с тем, отмечает Рикёр, философия интерпретации является серьёзной, если она непременно дискутирует с Гегелем: интерпретируя, невозможно встать на точку зрения Гегеля, откуда интерпретатор видел бы всё, целое. Отсюда вытекает мысль Рикёра о нескольких интерпретациях, о конфликте интерпретаций: интерпретатор всегда ориентируется на других, иначе прочитывающих вещи; такая ситуация не может разрешиться в тотальном знании [8].

Признавая «необъятность гегелевской гениальности», Рикёр вместе с тем выделяет моменты, вызывающие его «непреодолимое сопротивление». Прежде всего – это вопросы об абсолютном знании и о конце истории. Рикёр, подвергая критике гегелевскую их трактовку, опирается на функции воображения и утопии, которые, по его убеждению, являются местом реализации человека, способом выдвижения вперёд свободы, а не тотализации. Свобода идёт в ногу с риском и с воображением, и это колеблет уверенность в знании, придавая ценность тому, что связано с надеждой. Говоря об абсолютном знании Гегеля, Рикёр предполагает: немецкий философ сам прекрасно понимал, что он философствует в определённую эпоху и в границах этой эпохи занимается интерпретацией, которая состоит в том,

чтобы соединить человеческий опыт с логическим моментом. В эпоху Гегеля, отмечает Рикёр, свершилось своего рода счастливое соединение трёх культурных явлений: Просвещения, Французской революции и Реформации; в итоге стал очевидным проект свободы, который немецкий мыслитель назвал духом, достоверностью себя самого; история привела в точку ясного видения, проницательности относительно «я» [14, p. 87].

Следующие тексты «Рукописей и выступлений 4» Поля Рикёра датированы 1990–2003 гг. Они посвящены самым разнообразным проблемам, о чём свидетельствуют названия разделов книги: «Мораль, этика и политика», «Парадоксы авторитета», «Политика, экономика и общество», «Европа» и др. Вместе с тем вполне определённо можно утверждать, что одной из главнейших тем в них является вопрос о совместном бытии людей, об их желании «жить вместе с другими и для других», составляющем сердцевину земной цивилизации. Рикёр, как это было в «Истории и истине», призывает исследователей «переместиться на конкретный, сугубо жизненный уровень рассмотрения, когда всё надо переосмысливать в связи с конкретными задачами, в соответствии со способом жить, трудиться, владеть, распределять блага, досаждают друг другу, подтрунивать друг над другом» [7, с. 104]; (см.: [4, с. 25 и след.]).

Особенно следует отметить выделение мыслителем в отмеченное время таких животрепещущих проблем, которые не всегда (может быть, правильнее было бы сказать, редко или вовсе не) обсуждаются с философской точки зрения. К таким проблемам, по убеждению Рикёра, относятся: политическое и этика, взаимное признание людей, хрупкость человеческого существования и цивилизации в целом, терпимость (толерантность), справедливость, ответственность за будущее человечества, за саму идею человека и др. Именно эти проблемы находятся в центре последних произведений мыслителя: «Я-сам как другой», «Память, история, забвение», «Справедливое», «Путь признания».

Размышляя о политическом как среде осуществления этического видения, Рикёр проводит различие между моралью и этикой, подчёркивая следующее: термин «мораль» можно употреблять там, где речь идёт об обязательстве; термин «этика» – там, где речь идёт о благе. Данное различие оправдано как в институциональном плане, так и в плане личностном. Вместе с тем благое и обязательное тесно связаны друг с другом: желательное (благо) не может освобождать от обязательного (долга). Таким образом, политическое соотнесено с этическим планом, однако без инстанции нормы политическое лишилось бы своего существенного измерения [14, p. 96–97].

Политическое, согласно Рикёру, отсылает к идее Х. Арндт о публичном пространстве, продолжающей идущую от Просвещения тему публичности как открытого выявления всей сети (множественности) привязанностей, внутри которой каждая человеческая жизнь развёртывает собственную историю. Условие множественности говорит о желании людей «жить-вместе». На этом собственно политическом уровне рождается специфическая

этическая ценность – справедливость, которая является продолжением заботы о благой жизни, дающей начало переходу этического плана в моральный план нормы [14, р. 103–104].

Идею взаимного признания людей французский философ, как он сам отмечал, «вычитал» в работах Гегеля йенского периода, которая, по его мнению, не получила дальнейшего развития, но выступила «поставщиком» материала для дальнейшего её рассмотрения. Рикёр считал «значительным гегелевским наследием» конфликтную форму признания, борьбу за признание, которая является нескончаемым требованием, то есть видом «несчастливого сознания» как «продукта цивилизации». Гегелевской идее борьбы за признание Рикёр противопоставит ненасильственные («счастливые») формы осуществления признания, обратившись к теме дара (см.: [14, р. 322]); (см. также: [10, с. 207 и след.]).

Завершая Четвёртую книгу Рукописей и выступлений французского мыслителя, её составитель в качестве «Эпилога» помещает текст философа под названием «Борьба за признание и экономика дара». В этом сообщении 2003 года Рикёр, по его утверждению, «соединял огонь и воду» – слово «борьба» и слово «дар». «Однако главным здесь является признание, признание взаимное» [14, р. 313].

Проанализировав позиции М. Мосса в «Очерке о даре» и К. Леви-Строса в «Элементарных структурах родства», Рикёр сопоставил их с интерпретацией дара М. Энаффом («Цена истины. Дар, деньги, философия» (2002)), согласно которому функционирование дара является взаимным символическим признанием дающего и получающего: «...мы испытываем в некотором роде скромное счастье быть признанными и самим признавать» [14, р. 327]. Рикёр, по его словам, принял позицию Энаффа: «В современных формах церемониального обмена подарками мы имеем модель практики признания, признания ненасильственного» [14, р. 326].

В сообщении 2003 г. Поль Рикёр говорил о том, что данная работа является частью обширного проекта, нацеленного на то, чтобы придать понятию «признание» философское значение. В 2004 г. мыслитель опубликовал книгу «Путь признания», которая, по его словам, имеет целью проследить путь формирования понятия «признание» и тем самым сделать определённые шаги к созданию фундаментальной философской теории признания, сравнимой по своей значимости и масштабу с другими философскими теориями, например с теорией познания.

При изучении проблемы признания философа будут интересовать как отношения между отдельными человеческими индивидами, так и единый, универсальный для всего человечества способ существования (цивилизация). В связи с этим Рикёр заговорит о состоянии хрупкости, свойственном бытию каждого человека и цивилизации в целом. Общество в широком смысле слова – это живой организм, способный сообщать длительность и постоянство всему человеческому, которое само по себе чрезвычайно хрупко. Желание-жить-вместе, являющееся здесь основополагающим, крайне уязвимо, что особенно ощущается, когда ему грозит

опасность. Отсюда следуют размышления Рикёра об ответственности: через хрупкость люди становятся ответственными.

Связь между хрупкостью и ответственностью, считает философ, может быть выявлена, исходя из самой идеи ответственности: от хрупкости идёт зов оказать помощь. Хрупкость кого-то переносится на нас: этот «кто-то» ждёт нашей помощи и нашей заботы; он испытывает доверие, и именно мы делаем его таким. Для желания людей жить вместе характерно соединение длительной перспективы и хрупкости человеческого бытия [12, с. 220]. Мы нацелены на будущее, и именно ради будущего следует помогать другим выживать и возрастать – чтобы человечество существовало и после нас!

Существеннейшей чертой «жизни вместе», согласно Рикёру, является терпимость. В самом общем смысле французский философ определяет терпимость в человеческих взаимоотношениях как отказ от навязывания другому своего образа мысли, действия, как «разрешение» другому вести свою жизнь так, как он понимает: «Я одобряю все проявления жизни, лишь бы они не наносили явного вреда третьим лицам; ...я за все образы жизни, поскольку вижу в них выражение человеческой множественности и разнообразия. Да здравствует различие!» [14, р. 221–222].

Терпимость, по Рикёру, это добродетель – добродетель индивидуальная и коллективная. Она, отмечает философ, стала великим завоеванием человечества, которое за последние 200 лет значительно «износилось». Сегодня западный мир подчинён опыту, совершенно безразличному к состоянию терпимости, и вместе с тем он занят поисками более позитивного её обоснования.

С позиции терпимости Рикёр размышляет над базисными различиями внутри человечества, которое не существует как единое «тело», «одна семья», а разделено на многочисленные сообщества таким образом, что одни люди принадлежат им в качестве их членов, а другие по отношению к ним являются иностранцами.

Последнее обстоятельство вызывает особый интерес и озабоченность французского философа. Он описывает положение иностранца, следуя порядку «возрастающего трагизма»: «иностранец среди нас» – это посетитель по доброй воле; иммигрант – иностранный рабочий, проживающий у нас более или менее против своей воли; беженец, просящий убежища. Рикёр ориентируется здесь на Канта, на проповедуемое им «космополитическое право», на всеобщее гостеприимство: речь идёт о праве, принадлежащем всем людям предполагать себя в качестве посетителя, «...вытекающем из общего владения землёй, на которой, как по поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и потому должны терпеть соседство друг друга» [3, с. 397].

Прощение, считает Рикёр, намного превосходит политические категории: оно принадлежит порядку милосердия, стоящему выше порядка моральности. Прощение является единственным способом отказаться от долга, забыть о нём и тем самым выставить возникшие затруднения на суд

справедливости и признания. Прощение, как и признание, ставит проблему дара, чья логика превышает логику моральности. Практика дарения, согласно Рикёру, принадлежит скорее тому, что можно было бы назвать «поэтикой» моральной жизни, если удерживать за словом «поэтика» его двойственный смысл: творчество – в плане динамики действия; воспевание и гимн – в плане словесного выражения. Именно из этой духовной практики, из этой поэтики моральной жизни вырастает прощение. Прощение требует долгого терпения.

«Жизнь с другими и для других» Рикёр называет заботой, которая, как он отмечает, охватывает весь человеческий опыт и чрезвычайно обостряется в жизненно важные моменты – катастрофы, бедствия, эпидемии и т.п.² Французский философ выскажет своё согласие с М. Хайдеггером, рассматривавшим заботу как осуществление человеком своего бытия, а модус бытия через понятие заботы. Как бы продолжая и расширяя эту мысль, Ф. Вормс, автор книги «Момент заботы» (2010), справедливо отметит, что забота у Рикёра представляет собой социальное и политическое явление; она есть выражение гуманизма, практика, благодаря которой общество перестаёт быть абстрактным скопищем разумных существ, заключающих договоры или ведущих дискуссии [17, р. 62–63].

Чрезвычайно важными и актуальными представляются размышления П. Рикёра, касающиеся проблемы будущего Европы, которые он формулирует в терминах утопии, воображения. Рикёр говорит о некоем постнациональном Государстве – Европе, которое, по его убеждению, будет глобальным сочетанием на многочисленных уровнях «идентичности» и «инаковости» европейских этосов в соответствии с возрастающим порядком их духовности [14, р. 272]. Философ выделяет три модели такого рода интеграции.

Первая модель – модель перевода с одного языка на другой. Она соответствует ситуации современной Европы с её непреодолимым языковым плюрализмом, что может вызывать ощущение «необщительности». Однако языки не образуют замкнутых систем, исключаящих общение. Если существует единое человеческое пространство, «то, в частности, потому, что возможно переводить» [14, р. 273]. Перевод с одного языка на другой, переводческая деятельность по существу представляют собой перемещение в ментальный универсум другой культуры с её обычаями, основополагающими верованиями, преобладающими убеждениями, то есть с совокупностью смысловых ориентиров; возможность переводить постулирована как некое а priori общения.

Второй моделью интеграции, согласно французскому мыслителю, является модель обмена памятью. В этой связи Рикёр говорит о культурной идентичности народа, нации, человеческой группы, которая является

² Отметим, что сегодня, когда катастрофа, вызванная эпидемией коронавируса, охватила всю планету, главным лозунгом землян стало: «Мы – вместе». Россияне порой для усиления его значения пренебрегают грамматическим правилом и пишут на своих полотнах: «МыВместе».

не неподвижной субстанцией или зафиксированной структурой, а идентичностью рассказанной истории. Одновременно философ размышляет о некоей «надменности» культурной идентичности, которая мешает предоставлению места сразу нескольким историям, нацеленным на одно и то же прошлое. Результатом такого хода дела является затвердевание каждой культурной группы в собственной идентичности, неподвижной и избегающей общения. Ищущий себя новый европейский этос требует не отказа от исторически важных ориентиров, а усилий по многостороннему их прочтению.

При перекрёстном прочтении основополагающих событий той или иной культуры совершается частичное высвобождение жизни из плена мёртвых, затвердевших, забальзамированных традиций и их обновление. Традиция как передача исповедуемых верований, усвоенных норм живёт исключительно в паре с инновацией. Традиция остаётся живой, если она включена в непрерывный процесс переинтерпретации. Речь идёт об обещаниях, идущих из прошлого.

Прошлое является не только прошедшим, тем, что имело место и не может быть изменено; оно живёт в памяти благодаря посылам в будущее, которые не были «вытянуты» из прошлого или их траектории были прерваны. По мысли Рикёра, несвершившееся будущее прошлого, возможно, составляет самую богатую часть традиции. «Высвобождение» этого несвершившегося будущего прошлого является главным преимуществом, которого можно ожидать от пересечения того, что отложилось в памяти. Философ считает, что именно основополагающие события исторического сообщества следовало бы подвергнуть критическому прочтению, чтобы высвободить из них груз надежды, которую они несли в себе и которая утратилась в ходе истории. Речь идёт о том, чтобы воскресить надежду – открыть прошлое и выявить в нём загрузенность будущим.

Говоря о собственном специфическом видении настоящего Европы, Рикёр следующим образом определяет концептуальные рамки своих размышлений: он присоединяется к словарю, предложенному немецким историком и теоретиком исторической науки Р. Козеллеком, – к понятиям «пространство опыта» (совокупность наследий прошлого, следы которого образуют почву последующих изменений) и «горизонт ожидания» (на него проецируются утопии, поставляющие содержание будущему). Именно диалектическое отношение между выделенными Р. Козеллеком полюсами образует «живое настоящее» культуры – способность вторгаться в ход вещей, умение осуществлять новые события (см.: [14, р. 188–190, 297–298]).

Наконец, третья модель интеграции – это прощение. Прощение, считает Рикёр, является специфической формой пересмотра прошлого и его наиболее ценным следствием, когда речь идёт о страданиях людей. При осмыслении прощения следует избегать двух ловушек: смешения прощения и забвения (прощать можно только там, где нет забвения); восприятия прощения исключительно с его «неприятной» стороны (практика просить прощения нелегка!). И ещё: при прощении следует остерегаться подмены

милосердия справедливостью: милосердие – это своего рода избыток, избыток сострадания и нежности; прощение ставит проблему дара.

Прощение значительно превосходит политические категории – оно принадлежит порядку милосердия, стоящего выше порядка моральности. В то же время прощение не так далеко от политической сферы. История последних лет даёт немало примеров «короткого замыкания» между милосердием и политикой. Рикёр напоминает об исторически значимых поступках политиков XX в. Вилли Брандта, Вацлава Гавела, Анвара Садата [14, р. 281–284].

Не случайно при рассмотрении П. Рикёром таких проблем, как признание и прощение, появляется слово «дар», как не случайно и то, что проблемой признания и обмена дарами составитель Четвёртой книги Рукописей и выступлений философа завершает своё представление его творчества. Напомним, что заключительный раздел последней опубликованной при жизни П. Рикёра книги «Путь признания» носит название «Обмен дарами и взаимное признание». При дарении философа интересуют, как он сам говорил, «тайные операции» между действующими субъектами: даритель и одариваемый являются субъектами взаимности, осуществляющими операцию взаимного признания. В трактовке дара Рикёр, как уже отмечалось, разделяет позицию философа и антрополога М. Энаффа: даруемая вещь есть заменитель безмолвного признания; молчаливое символическое признание, проявляющее себя с помощью дара. В церемониальном обмене дарами П. Рикёр видит модель практики ненасильственного признания, выбор в пользу мира, праздничные моменты, начальную форму состояния мира.

Как справедливо замечает П.-О. Монтей, составитель книги «Поль Рикёр. Политика, экономика и общество. Рукописи и выступления», собранные в ней тексты французского мыслителя отвечают на запросы современности; вместе с тем его философские усилия сообщают им универсальное и долговременное значение.

Список литературы

1. Вдовина И.С. «Философия жизни» Поля Рикёра // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции. М.: ИФ РАН, 2012. С. 28–52.
2. Вдовина И.С. К выходу в свет «Рукописей и выступлений» Поля Рикёра // Философские науки. 2015. № 9. С. 79–93.
3. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках: в 4 т. Т. 1. М.: Изд. фирма АО, 1994. С. 355–477.
4. Мотрошилова Н.В. Поль Рикёр: истина истории и цивилизация // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация. М.: Канон+, 2015. С. 6–31.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 693 с.
6. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М.: Идея-Пресс, 2009. 224 с.

7. Рикёр П. История и истина. СПб.: Алетея, 2002. 400 с.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
9. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 726 с.
10. Рикёр П. Путь признания. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.
11. Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2017. 312 с.
12. Фёдорова М.М. Парадоксы политического: Поль Рикёр // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М.: Идея-Пресс, 2009. С. 209–224.
13. Энафф М. Дар философов. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2015. 320 с.
14. Paul Ricoeur. Politique, économie et société. *Ecrits et conférences 4*. Paris: Edition du Seuil, 2019. 346 p.
15. Ricoeur P. De l'interprétation. Essai sur Freud. Paris: Édition du Seuil, 1965. 535 p.
16. Ricoeur P. Philosophie de la volonté 2. Finitude et Culpabilité. Paris: Éditions Points, 2009. 586 p.
17. Worms F. Le moment du soin. A quoi tenons-nous? Paris: Presses universitaires de France, 2010. 272 p.

POLITICAL ANTHROPOLOGY

Irena VDOVINA

DSc in Philosophy,
Chief Researcher. RAS Institute of Philosophy.
12/1 Gonchamaya Str., Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: isvdovina@mail.ru

PAUL RICOEUR ABOUT CO-EXISTENCE OF THE PEOPLE (THROUGH THE PAGES OF THE BOOK “PAUL RICOEUR. POLITIQUE, ÉCONOMIE ET SOCIÉTÉ. *ÉCRITS ET CONFÉRENCES 4*” (PARIS, 2019))

The 4th volume of “Manuscripts and Speeches” by the prominent contemporary thinker Paul Ricoeur (1913–2005) contains works discussing one of his central themes – the problem of a common existence of men considered from the point of view of politics, economics, power, law, culture, morality, and ethics. At the same time, the French thinker specifically highlights and discusses such burning problems of modern life as mutual recognition, the fragility of human existence and earthly civilization in general, tolerance, care, justice, responsibility for the future of humanity, for the very idea of man. In a number of works, Ricoeur expresses his views on the possible future of Europe – on its new ethos overcoming the boundaries and structures of national states, on the combination of their “identity” and “otherness” at the global level. Translation from one language to another as a kind of *a priori* communication, exchange of memory as a preliminary transfer to a different cultural environment, forgiveness that stems from the suffering of others and raises the question of the burden of debt, – all this is being considered as a models of integration.

Originally presented at philosophical congresses and symposia, as well as qua journal publications, the highlighted problems were fundamentally studied by the philosopher in his works “History and Truth” (1955), “Oneself as Another” (1990), “Ethics and Responsibility” (1994), “The Just” (vols. 1, 2 – 1995, 2001), “Ideology and Utopia” (1997), “Memory, History, Oblivion” (2000), “The Way of Recognition” (2004). The book “Paul Ricoeur. Politics, Economics and Society. *Manuscripts and Speeches 4*” is addressed to philosophers, cultural and political scientists and scholars representing different branches of humanitarian studies, as well as to readers interested in contemporary philosophy.

Keywords: human common existence, politics, morality, ethics, recognition, tolerance, fragility, justice, memory, forgiveness, gift

References

1. Fedorova, M.M. "Paradoksy politicheskogo: Pol' Riker" [Paradoxes of the Political: Paul Ricoeur], *Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoi filosofii XX veka* [Political as a Problem. Essays on Twentieth-century Political Philosophy]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2009, pp. 209–224. (In Russian)
2. Henaff, M. *Dar filosofov* [Gift of Philosophers]. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2015. 320 pp. (In Russian)
3. Kant, I. "K vechnomu miru" [To Eternal Peace], in: I. Kant, *Sochineniya na russkom i nemetskom yazykakh* [Works in Russian and German], Vol. 1. Moscow: Izdatel'skaya firma AO Publ., 1994, pp. 355–477. (In Russian)
4. Motroshilova, N.V. "Pol' Riker: istina istorii i tsivilizatsiya" [Paul Ricoeur: The Truth of History and Civilization], *Pol' Riker: Chelovek – obshchestvo – tsivilizatsiya* [Paul Ricoeur: Man – Society – Civilization]. Moscow: Kanon+ Publ., 2015, pp. 6–31. (In Russian)
5. *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 2001. 693 pp. (In Russian)
6. *Paul Ricoeur. Politique, économie et société. Ecrits et conférences 4*. Paris: Edition du Seuil, 2019. 346 pp.
7. *Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoi filosofii XX veka* [Political as a Problem. Essays on Twentieth-century Political Philosophy]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2009. 224 pp. (In Russian)
8. Ricoeur, P. *De l'interprétation. Essai sur Freud*. Paris: Édition du Seuil, 1965. 535 pp.
9. Ricoeur, P. *Filosofskaya antropologiya. Rukopisi i vystupleniya* [Philosophical Anthropology. Manuscripts and Presentations]. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2017. 312 pp. (In Russian)
10. Ricoeur, P. *Istoriya i istina* [History and Truth]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2002. 400 pp. (In Russian)
11. Ricoeur, P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2008. 695 pp. (In Russian)
12. Ricoeur, P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2004. 726 pp. (In Russian)
13. Ricoeur, P. *Philosophie de la volonté 2. Finitude et Culpabilité*. Paris: Éditions Points, 2009. 586 pp.
14. Ricoeur, P. *Put' priznaniya* [Way to Recognition]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2010. 268 pp. (In Russian)
15. Vdovina, I.S. "Filosofiya zhizni" Polya Rikera" ["Philosophy of Life" by Paul Ricoeur], *Zapadnaya filosofiya kontsa XX – nachala XXI v. Idei. Problemy. Tendentsii* [Western Philosophy of the Late Twentieth and Early Twenty-first Centuries. Ideas. Problems. Trends]. Moscow: IF RAN Publ., 2012, pp. 28–52. (In Russian)
16. Vdovina, I.S. "K vykhodu v svet "Rukopisei i vystuplenii" Polya Rikera" [To the Publication of "Manuscripts and Presentations" by Paul Ricoeur], *Filosofskie nauki*, 2015, No. 9, pp. 79–93. (In Russian)
17. Worms, F. *Le moment du soin. A quoi tenons-nous?* Paris: Presses universitaires de France, 2010. 272 pp.